

Вступительное слово к юбилейному номеру

Н и много ни мало двенадцать лет назад я познакомился с журналом «Свободная Мысль» — в качестве читателя. А сразу после прочтения — в качестве подписчика. Сегодня же мое рабочее место украшает полка с непрерывным периодическим подбором журнальных номеров: уже девятый год я имею честь трудиться в редколлегии «Свободной Мысли».

На моей памяти в журнале менялось многое. Местоположение редакции, типографии, условия подписки, обложки, верстка, оформление — все что угодно кроме традиций. Тех самых традиций, которые невозможно купить, заложить в бизнес-план или переуступить. Тех самых традиций, которые нельзя потрогать, изучить и объяснить. Тех самых традиций, одно осознание потери которых вызывает ощущения, близкие к панической тревоге. Вы, очевидно, спросите, и вопрос будет справедливым: что я имею в виду? Что ж — именно одна из традиций нашей редакции не позволяет мне, «сказав “а”, не сказать “б”». Попробую объяснить.

Как известно, журнал «Свободная Мысль» ведет свою историю с 1924 года. Тогда он именовался «Большевик»: «теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б)» — значилось на его обложке. И так до 1953 года, когда на титульном листе появилось название «Коммунист» с добавлением ниже «теоретический и политический журнал ЦК КПСС».

С тех пор утекло много воды. 1991 год подвел черту под историей КПСС. Ныне ее преемницей в России выступает КПРФ. Но к ней наш журнал не имеет никакого отношения — наоборот, ее руководство не любит «Свободную Мысль». На его взгляд, журнал уж слишком либерален. И в самом деле: у нас печатались и работали Гайдар, Авен, Улюкаев... Впрочем, и «правые», либералы и неолибералы, тоже не в восторге от «Свободной Мысли». На деле, они не любят нас еще больше, чем коммунисты. Почему? Да потому, что они никогда не простят нам того, что мы печатаем Примакова, Глазьева, Смолина... Получается, что самое трудное для мысли в условиях «открытого общества» — быть свободной.

А гордиться своей свободой, настоящим, а не притворным плюрализмом мнений, господствующим на страницах нашего журнала, у нас есть все основания. Когда мы готовили юбилейный номер к 85-летию «Большевика» —

«Коммуниста»—«Свободной Мысли», я обнаружил, что за эти годы в СССР и России не было сколь-нибудь известного человека, который бы не публиковался в нашем журнале. Среди его авторов — не только Сталин, Жданов, Молотов, Суслов или Горбачев, но и замечательный литовский актер Донатас Банионис, великие композиторы Дмитрий Шостакович и Георгий Свиридов, выдающийся ученый-филолог Дмитрий Лихачев и многие, многие, многие...

И все эти разные, порой абсолютно антипатичные друг другу, но неизменно яркие (неважно — положительным или отрицательным обаянием) люди едины только в одном: все они — наши авторы. Порой (и даже чаще!) — далеко не простые.

Каких только баталий не знала история нашего журнала! Привлечение (иногда — буквально отлов) авторов во времени и пространстве, обсуждение с ними творческих замыслов, их формулировка, обработка и конкретное — в некоторых случаях чрезвычайно конкретное — давление, с тем чтобы автор не сорвал сроки и его материал появился именно там и тогда, где особенно уместно и даже необходимо. А потом, на следующем этапе, в дело вступали редакторы. Золотое правило публицистики — нет плохих текстов, есть плохие редакторы — в нашей редакции никогда не звучало. Скорее наоборот, звучало другое: в природе нет таких текстов, которые не нуждались бы в редактировании. Поэтому — обработка, вычитка, проверка. И не так уж редко, после прохождения всех «этапов большого пути», звучали медом для сердца любого редактора слова автора о том, что он и не подозревал, как хорошо может писать «сам»...

Алексей Иванович Антипов, мой друг и учитель, в свое время напутствовал меня словами: «Помните, Петр Петрович, для всякого уважаемого редактора уровень каждого номера определяется не лучшим материалом этого номера, а худшим». Это золотое правило является в нашей редакции незыблемым и сегодня.

Хотя, что такое незыблемость? Может быть, это регулярные звонки нашей доброй волшебницы — бессменного корректора Александры Андреевны Лебедевой, которая может позвонить только в том случае, если не находит решения сама, но которая никогда не станет Вас беспокоить всуе? И наш замечательный верстальщик Борис Азаров, ученик знаменитого Розенталя — что фатально сказывается на любой возможности уговорить Бориса пойти на компромисс. Борис исходит из правила Розенталя «Пятерку Вам поставит сам Господь Бог, четверку — если повезет — поставят мне, а Ваша доля — все остальное...».

Или беспокойство нашего редактора Валерия Геннадиевича Бушуева — как обстоят дела с его авторами. Или же возмущение нашего золотого рецензента Олега Валентиновича Аурова — почему у него так мало времени на такую замечательную книгу (и не думайте, что наоборот!).

Или же волнение Никиты Николаевича Сибирякова — отметившего в этом году свое 90-летие, ровесника нашего журнала. Старожилы редакции до сих пор рассказывают, как в начале 1990-х, во время самых сильных гонений на журнал, вся редколлегия заседала у Никиты Николаевича и его супруги Натальи Александровны дома — в столовой, за большим столом. Много ли Вы знаете примеров подобных профессиональных отношений?!

Причем все это может произойти разом — когда Вы едете в метро. Я никогда не забуду свою первую встречу со Львом Александровичем Аннинским, пришедшим на встречу в редакцию загодя, ибо он волновался (прошу отнестись серьезно) относительно судьбы своей статьи. Беседа со мной, он, узнав мою фамилию, обрадовался, ибо девичья фамилия его мамы была «Александрова». Затем он прогулялся в ближайший книжный, нашел свою книгу и вернулся с ней, снабженной автографом для моей мамы (тоже в девичестве — Александровой).

Однако мы должны отметить еще одно обстоятельство — решающее, позволю заметить. В любом издании есть человек, роль которого сравнима с ролью Режиссера в театре. Вы, конечно, догадались, речь идет о главном редакторе театра, ах простите — журнала. Есть такое определение в театре — характерное свойство. Возьму на себя ответственность предположить, что главный редактор нашего журнала — по определению — также имеет такое свойство. Михаил Геннадьевич Делягин — как и его предшественник Владислав Леонидович Иноземцев («Слава») — имеет привилегию в редколлегии именоваться «Мишей».

Я не оговорился: в нашей редколлегии это является привилегией. Почему? Ответ прост: после ухода журнала в свободное плавание его главными редакторами становятся авторы, некогда опубликовавшие на его страницах свои первые статьи. Вроде бы все просто. Но вот других подобных прецедентов в иных современных изданиях мне обнаружить не удалось.

Сегодня Михаил Делягин делает для журнала больше, чем он делает для себя самого, — нужно ли еще какое подтверждение серьезности его намерений?! Едва ли..

Однако я отвлекся.

Дорогие друзья!

Я так и не смог сформулировать, что означают традиции нашего журнала. Я вообще слабо себе представляю, что означают в современной России какие-либо традиции. Для себя же самого я выработал правило, согласно которому вся наша жизнь — театр. И исходя из этого, попытался вам рассказать, какими правилами и критериями руководствуется любой автор или сотрудник редакции, чтобы, потратив время в редакции, дома или на даче, в метро или машине, связаться с руководством и уговорить изменить несколько полос, которые (после скандала с типографией) в измененном виде в новом номере — как перед началом спектакля — позволят открыть каждому из вас свежий номер и услышать слова нашего главного редактора — «Занавес!».

А о традициях я, с вашего позволения, расскажу в следующий раз.

*Петр Александров-Деркаченко,
член редколлегии с 2006 года*